

уделяли внимание французские правители, начиная с Людовика XIV и заканчивая Наполеоном III, в результате чего во Франции высокого развития достигло текстильное производство, было множество умелых швей. Фраза «быть одетым по моде» – фр. *à la mode* восходит к XVII веку, когда французская придворная мода была образцом для всех европейских стран. Людовик XIV ввел так называемый *Costume Louis XIV*, который подразумевал использование шелковых тканей и кружев в мужском костюме [5; с. 385].

Викторианская эпоха была отмечена одеждой, изобилующей кружевами, оборками, струящимися силуэтами. Фасоны, популярные во времена королевы Виктории, подчеркивали изящество и утонченность этой эпохи, которая считалась вершиной цивилизации и удалением от всего грубого и дикого в человеческой природе.

Коко Шанель избавила женщин от необходимости носить тяжелые и неудобные корсеты, создав знаменитое «маленькое черное платье». Влияние кино и эстрады на индустрию моды, также не осталось незамеченным, к примеру, футуристические костюмы с элементами милитари, красная кожаная куртка и черные лоаферы, введенные Майклом Джексонем, отражают тенденции моды 80-х годов XX века.

Неотъемлемым атрибутом моды является стремление к новому, необычному и даже шокирующему. При этом степень новизны или модности предмета зависит не только от его времени возникновения, но и от момента возникновения его популярности и общественного признания. Явление или предмет считается модным некоторое время, но вскоре они неизбежно теряют новизну в глазах окружающих и соответственно становятся немодным или старомодным. Мода в одежде является сменой форм и образцов одежды, которая происходит периодически и является предметом пристального внимания прессы, производителей одежды и поклонников моды.

В нашей работе мы рассматриваем реалии моды с позиции лингвокультурологии. Традиции, климатические условия, а также геополитическая картина мира влияют на лингвокультурную составляющую мира в целом. Реалии моды оставили свой отпечаток в мировой культуре. Существуют особенности перевода данной языковой категории (реалии моды). Рассмотрим несколько из них, например: во французской культуре существует платье «morpho robe» – *La robe qui correspond à la silhouette* (дословно: «morpho robe» – платье, которое соответствует силуэту), однако на русском модном интернет-сайте *moda.jofo* ги данное платье обозначено как платье, которое сидит по фигуре. В бельгийском издании *ELLE* за март 2015 года в статье, посвященной выбору платья по типу фигуры, мы нашли следующий пример употребления данной реалии «*Morpho robe est simplement plus complexe de concevoir la robe d'une femme moyenne que d'un homme moyen, car celles-ci présentent des morphologies globalement plus variées*» (дословно: понимание морфо платья является более сложным, чем просто платье обычной женщины или мужчины, так как именно женщины отличаются особенностями фигуры). В русском варианте данного журнала это предложение значительно сокращено, но текст дополнен пояснениями, необходимыми для русскоязычного читателя именно в связи с разным культурным фоном: «Подобного вида платья учитывают особенности женской фигуры. Французы выделяют 5 типов женской фигуры: *poire* – груша, *triangle inversé* – перевернутый треугольник, *sabier* – песочные часы, *pomme* – яблоко, *rectanglé* – прямоугольник». Важно отметить, что в русской культуре больше внимания

уделяется женской моде и женской фигуре. Поэтому главное, что нужно подчеркнуть при переводе реалии «morpho robe» – это принцип – в зависимости от телосложения женщины, выбирают подходящее платье, которое выделяет достоинства и скрывает недостатки женской фигуры.

Другим примером необходимости учета лингвокультурных особенностей при переводе реалий моды может служить реалия «*talma*» – *manteau d'homme ou de femme en forme de pèlerine couvrant seulement les épaules et la poitrine* (Larousse) (дословно: тальма – это мужская или женская накидка в форме пелерины, покрывающей только плечи и грудь). Однако в толковом словаре «Франция» Л.Г. Ведениной данная реалия поясняется следующим образом: «Просторный мужской плащ, напоминающий античную тогу. Популярен в первой половине XIX в.; короткая дамская накидка без рукавов из кружев или ткани. Была распространена во второй половине XIX в.» Важно отметить, что русские модные издания употребляют два эквивалента при переводе реалии «*talma*»: тальма и пончо. Во французском сентябрьском номере журнала *Cosmopolitan* за 2014 год мы нашли следующее употребление реалии: «... *ce talma est doublé de peluche à longs poils de couleur claire*» (дословно: тальма на подкладке из длинноворстного плюша светлой окраски) в русском варианте данного журнала (*Cosmopolitan*, Сентябрь, 2014) в качестве перевода данной реалии было использовано слово «пончо»: «Это пончо светлой окраски имеет двойной ворс, что позволяет...». В другом примере употребления той же реалии (фр. *Cosmopolitan*, Octobre, 2015) «*Le talma est le par-dessus incontournable cette hiver*» (дословно: тальма является неизбежным предметом гардероба этой зимой) в русском издании та же реалия переводится уже как пончо «Тальма, или как многие распространено называют, Пончо – неотъемлемый атрибут приближающейся зимы» (*Cosmopolitan*, Ноябрь, 2015).

Анализ французских и бельгийских женских иллюстрированных журналов показывает, что реалии моды требуют особого подхода при переводе, т.к. их лингвокультурные особенности отражают особенности языка и менталитета в целом. На основе изучения и описания лингвокультурных особенностей перевода реалий моды можно выделить базовый фонд (ряд культурных традиций), характерный для носителей французского языка. Базовый фонд будут составлять наиболее устойчивые единицы языка, в которых закрепляются результаты практической деятельности носителей языка.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Культурно-этнографическая концепция перевода // Сб. научных трудов МГПИЯ. – 1991. – № 375.
2. Комлев Н. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
3. Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. – 2005. – 161 с.
4. Рассел Д. Мода. – VSD, 2012. – 72 с.
5. Веденина Л.Г. Франция. – М.: Интердиалект+ / АМТ, 1997. – 1078 с.

ЗООНИМЫ И ИХ ФРАЗЕМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Фоменко Е.Л.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород,
e-mail: fomenkocat205@mail.ru

Зоонимы (отдельные слова и компоненты фразеологизмов – далее ФЕ), широко представленные во всех языках мира, относятся к самым древним и активно употребляемой лексике. По сравнению с дру-

гими объектами окружающего мира животные ближе человеку по формам существования и телесности. Из живых существ только животные, как и люди, обладают собственными привычками, особенностями поведения, каждому присущ свой особый нрав. В силу этого включение знаний о животном мире в систему образных средств характеризующих человека, расширение знаний о самом человеке через поиски сходства с образами братьев наших меньших – закономерный способ познания человеком самого себя.

Однако их исследованием ученые активно занялись только в 70-е годы XX века. Видимо, поэтому до настоящего момента даже не устранены в этой сфере терминологические разночтения. Единицы, называющие животных, обозначаются достаточно произвольно, используя для одного и того же понятия разные термины зооним, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора, зоохарактеристика и др. Нередко не разграничиваются и сами понятия «зооним» и «зооморфизм». Совсем недавно появились первые попытки упорядочения этой терминологии. Так, Н.В. Солнцева термин зооним предлагает использовать для прямого наименования животного, а зооморфизм – как метафоризированный зооним, характеризующий и оценивающий человека (Солнцева 2004). Э.А. Кацитадзе углубляет терминологическое разграничение внутри зоонимии. Термином зоолексема в её работах обозначается полисемант, служащий прямым наименованием животного. Для всего множества метафоризованных зоолексем вводится термин зоометафора, а для антропоцентрической метафоризации – переноса названия животного на человека – термин зооморфизм [Кацитадзе 1985: 6]. Другими словами термин зооморфизм используется при переносах названий свойств животных (их форм, повадок, поведения) на сходные с ними качества характера человека. Явление зооморфизма – результат образной интерпретации окружающего мира и лингвокреативного мышления – **особого** механизма, использующего для вербализации различных ассоциативных связей уже имеющиеся в языке знаки. В этом ракурсе первоочередной задачей является выявление зоонимов, обладающих активным фразеологическим потенциалом.

В основу образования фразеологических анимализмов легли стереотипные образы животных 5-ти классов: 1) домашние животные (73 ФЕ), 2) дикie животные (33 ФЕ), 3) птицы (25 ФЕ), 4) рыбы (13 ФЕ), 5) насекомые (9 ФЕ). Вполне объяснимо, почему наиболее частотными оказались ФЕ с лексическими компонентами, называющими домашних животных. Чаще всего фразеологические анимализмы русского языка включают в свой компонентный состав названия следующих домашних животных: собака (12 ФЕ), кошка (11), коза, козёл (8), лошадь (конь) (9), свинья (7). Преобладают среди них ФЕ со словами собака и пёс. Их 12 единиц: собачья душа, вешать собак, гонять собак, как кошка с собакой, как собака на сене, нужен как собаке пятая нога, собаку съел, собачий холод, псу под хвост и др. Несмотря на столь очевидную привязанность человека к четвероногим стражам очага, среди фразеологических анимализмов с лексическим компонентом собака преобладают единицы с негативной коннотацией. Ср.: собачья душа – ‘грубый, скверный человек’; собака на сене – ‘тот, кто сам не пользуется чем-либо и не дает пользоваться другим’; гонять собак – ‘бездельничать, болтаться без дела’ и др.

Не менее культурно маркированными являются ФЕ, в компонентный состав которых входят названия домашних животных. Так, отрицательная коннотация большинства ФЕ с лексемой коза объясняется тем, какую роль играла соответствующее животное в жизни

русского крестьянина. Поскольку коза была «коровой бедных» и особой роли в деревенской жизни не играла, не удивительно, что лексема коза, входя в компонентный состав русских ФЕ, придаёт их семантике презрительно-высокомерный модус. Носителем одного из них был устаревший лексико-семантический вариант слова (ЛСВ) коза, выражавшего значение «наряженный козой мальчик, с которым обычно ходили вожак ручных медведей для потехи публики». Данный ЛСВ стал смысловым центром соответствующего дискурсивно-модусного концепта [Алефиренко 2015: 217] – когнитивного субстрата образования фразеологического анимализма. Вместе с коммуникативным событием (необходимостью назвать «маленьких» или забытых людей) этот ЛСВ сыграл решающую роль в образовании идиомы отставной козы барабанщик. Её активно использовали в XIX веке в качестве шутильной характеристики человека без определённого рода деятельности, перебивающегося случайными заработками и подачками, который, будучи на самом деле пятым колесом в колеснице, не прочь похвастался своим мнимым высоким прежде положением. Сформировался репрезентируемый данной ФЕ концепт из недр сложившейся на Руси древней карнавальной культуры. До начала XX века в русской глубинке нередко появлялась бродячая труппа. В неё, как правило, входили поводырь с ученым медведем, показывавшим разнообразные «штуки», «коза» – человек, на голову которого укрепляли грубое подобие козьей головы из мешка, и «барабанщик». На роль последнего обычно брали кого-то из отставных солдат, способных барабанным боем привлечь народ на зрелище. Значимость барабанщика в таком представлении была третестепенной – главным актёром был медведь, на «вторых ролях» выступала «коза» – ряженный под неё мальчик с дудкой, изображавший в этом облике дрессировщика медведя. Барабанщик, плохо выполнявший эту задачу, поскольку его инструментом был, как правило, убогий самодельный барабан, звуков которого практически не было слышно, легко мог получить отставку, т.е. оказаться на положении «отставного барабанщика при козе». А это означало полнейшее бедствие: потерю даже нищенского дохода. Вероятно, именно дискурс бродячих трупп и спровоцировал появление того дискурсивно-модусного концепта, для репрезентации которого и возникло устойчивое выражение, ставшее позже идиоматическим.

Второе место по частотности занимают фразеологические анимализмы с компонентом-названием дикого животного. В этой категории чаще всего встречаются ФЕ с лексемами волк (9 ФЕ) и медведь (7 ФЕ), наиболее злобными и опасными для человека представителями хищников. Во многих фразеологических анимализмах имя прилагательное волчий представляет сему «ненормальный, нечеловеческий, звериный». Ср.: волчий аппетит, волчьи законы, волчья ухмылка, волчья ягода и др. После волка фразеобразующие концепты содержат образ медведя – свирепого, ловкого и могучего зверя. Внешне он кажется неуклюжим и неповоротливым. В этой связи значение большинства ФЕ с лексическим компонентом медведь имеют соответствующую коннотацию. Ср.: медведь на ухо наступил – отсутствие музыкального слуха; медвежья услуга – неумелая услуга, причиняющая только неприятности; медвежьи объятья – «тяжёлые и не ловкие».

В категории «Птицы» в глаза бросаются ФЕ с лексическими компонентами: курица (7 ФЕ): писать как курица лапой, носиться как курица с яйцом, курам на смех, мокрая курица и др.; птица (6 ФЕ): важная птица, синяя птица, стреляная птица, птица высокого (низкого) полёта, на птичьих правах, с высоты птичьей

го полёта; ворона (5 ФЕ): белая ворона, ни пава ни ворона, ворона в павлиньих перьях, ворон считать; воробей (4 ФЕ): воробью по колено, из пушки стрелять по воробьям, старый воробей; гусь (4 ФЕ): гусей дразнить, гусиные лапки, гусь лапчатый, как с гуся вода. Как показывают подсчеты, в данной группе повышенной фразеомобразовательной активностью отличаются названия птиц, постоянно находящихся в окружении человека.

В категории «Насекомые» (9 ФЕ) первое место по частоте упоминания стоят ФЕ со словом муха (5 ФЕ): белые мухи, делать из мухи слона, как сонная муха, мухи дохнут, мухи не обидит. Это объясняется тем, что, муха – пожалуй, первое животное, с которым знакомится человек с раннего детства. Другие лексемы, обозначающие насекомых, обладают низкой фразеомобразовательной активностью. Они входят в еди-

ничные ФЕ: комар носа не подточит, подковать блоху, мурашки бегают по спине, осиное гнездо.

Итак, фразеологические анимализмы убеждают в том, что с их помощью язык отражает определенный способ восприятия и понимания мира. Выражаемые ими значения, выражают некую единую систему мировосприятия, своего рода народную философию, составляющую ценностно-смысловое пространство языковой картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеомобразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула, 2015. – С. 217–225.
2. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 220 с.
3. Кацитадзе Э.А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1985. – 19 с.

Секция «Актуальные аспекты лингвистики», научный руководитель – Выхрыстюк М.С., д-р филол. наук, профессор

ЗНАЧЕНИЕ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» ДЛЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Валиева Л.Ф.

Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, e-mail: lianavaliyeva27@gmail.com

Александр Солженицын назвал «Архипелаг ГУЛАГ» своим главным произведением, ставя его выше всех остальных написанных им романов, которые принесли ему славу, известность выдающегося писателя и нобелевскую премию 1970 г. Три тома произведения олицетворяют собой повествование, опирающееся на воспоминания свидетелей и участников тех событий, исследовательский материал, а так же на собственный опыт автора в качестве заключенного одного из многочисленных исправительно-трудовых лагерей (1945–1953). Будучи последователем идеалов коммунизма, А.И. Солженицын после ареста за критику Сталина развеял свои иллюзии по поводу советской системы и всей коммунистической философии.

Жанр лагерной прозы является уникальным не только для русской, но и мировой литературы. Он возник в связи с напряженным духовным стремлением осмыслить катастрофические итоги событий, произошедших в стране в XX веке. Вся суть нравственно-философского потенциала особенно точно отражена в книгах писателей – бывших заключенных многочисленных лагерей: А. Солженицына, В. Шаламова, Б. Ширяева, А. Жигулина и др., чей личный творческий опыт позволил им не только запечатлеть ужасы гулаговских застенков, но и попытаться осознать проблемы человеческого бытия. В лагерной прозе описываются судьбы не отдельных людей, а целого народа, испытавшего на себе мясорубку геноцида.

Проза А.И. Солженицына – философская проза, это творчество одного из многочисленных мучеников не фашистских, а своих, советских лагерей, имеет одну принципиальную особенность – документальность, точность в описании действительности. Писатель старался передать собственные ощущения с максимальной точностью.

Три тома «Архипелага ГУЛАГ» – это своеобразное путешествие по тысячам островов «таинственного Архипелага» [1:21]. На первый взгляд произведение А.И. Солженицына лишь о тюрьмах и зонах, но в центре всегда человек, загнанный в тиски системы. Читатель, следуя за сотнями жертв, наблюдает за разворачивающимися событиями – от ареста до заключения и отчуждения. Это путешествие в унижение

и смерть, в пытки, насилие, голод, жажду и болезни. Миллионы выжили в пути, но другие миллионы погибли.

Затрагивая в своем произведении такие философские категории аксиологии, как добро и зло, честь и достоинство, свобода, А.И. Солженицын приходит к мысли, что линия, разделяющая добро и зло, проходит «не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце – через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце – неискоренный уголок зла» [2: 595]. Зло не сводится к внешним обстоятельствам, к социальной системе. Один и тот же человек в разных жизненных ситуациях, в разные возрасты бывает разным. Автор обвиняет не только ту или иную политическую систему, но и нравственные основания общества. Писатель философски воплощает идею внутренней свободы даже в условиях неволи, идею того, что в лагере может наступить духовное пробуждение человека: «Свободная голова – это ли не преимущество жизни на Архипелаге? И еще одна свобода: тебя не могут лишить семьи и имущества – ты уже лишен их. Чего нет того и Бог не возьмет. Это – основательная свобода» [2: 587]. В интервью А.И. Солженицын заявил, что в своей работе более важными являются духовные и философские величины, нежели политические. Продолжая данную мысль, автор утверждает, что, несмотря на ужасные истории, описанные в книге, все же существует дух катарсиса. Духовное наиболее значимо, потому что в большинстве случаев автор не может предложить политических решений, так как этим, как он считает, должны заниматься политики [1: 5].

Приказом министра образования и науки школьная программа по русской литературе XX в. дополнена изучением фрагментов романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Вероятно, решение было принято после того, как Владимир Путин встретился с Натальей Дмитриевной, вдовой Александра Исаевича. В каком-то смысле это дань памяти ушедшему классику. Наталью Солженицыну попросили сократить роман для того, чтобы он стал более доступным для молодого читателя. По словам вдовы, читатели должны понять из книги, что ГУЛАГ – это система, которая распространилась по всей стране. «Архипелаг ГУЛАГ» – описание страшной машины террора – задает систему моральных координат для изучения